Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія.

ЕДИНСТВО

Ежедневная рабочая газета, подъ редакціей Г. В. Плеханова.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 12 мѣс. — 14 р. — к. на 3 мѣс. — 3 р. 60 к.
„ 6 „ — 7 „ — „ „ 1 „ — 1 „ 20 „

Адресъ редакціи: Брюсовъ переулокъ, д. [illegible]
Ночной телефонъ типографіи 26.

Четвергъ, 20-го апрѣля 1917 г. № 18. Цѣна 5 коп.

Наша тактика.

Дорогіе товарищи!

Было время, когда я не могъ принимать личнаго участія въ празднованіи перваго мая русскимъ пролетаріатомъ по причинѣ полицейскаго преслѣдованія. Теперь мнѣ препятствуетъ въ этомъ состояніе моего здоровья. По непосредственному впечатлѣнію, произведенному на меня, это послѣднее препятствіе, пожалуй, досаднѣе перваго. Но въ объективномъ смыслѣ мое недомоганье есть лишь маленькая, хотя и весьма непріятная для меня подробность, между тѣмъ, какъ фактъ устраненія полицейскихъ рогатокъ, заграждавшихъ путь русскому рабочему движенію, имѣетъ огромную историческую важность. И мнѣ въ высшей степени пріятно сознавать, что въ вашемъ лицѣ я имѣю дѣло съ товарищами, правильно оцѣнившими значеніе этого факта.

Первымъ словомъ тактики группы «Единство» является напоминаніе русскому пролетаріату о томъ, что ему необходимо, прежде всего, упрочить ту политическую свободу, которую онъ пріобрѣлъ цѣною славной мартовской революціи. Для упроченія этой свободы, онъ долженъ стать во главѣ всѣхъ тѣхъ классовъ и слоевъ населенія, интересы которыхъ были бы нарушены возстановленіемъ стараго порядка.

Въ своихъ политическихъ выступленіяхъ и заявленіяхъ, онъ долженъ теперь выдвигать на первый планъ не то, что его разъединяетъ съ этими классами и слоями, а то, что объединяетъ его съ ними. Намъ говорятъ, что, поступая такимъ образомъ, онъ измѣняетъ своему классовому интересу. Совершенно наоборотъ. Поступая такимъ образомъ, онъ создаетъ политическія учрежденія, при которыхъ ему легче и удобнѣе всего будетъ защищать именно этотъ интересъ.

Въ томъ-то и заключается величіе политической роли, выпавшей теперь на долю русскаго пролетаріата, что, совершенно безкорыстно работая для блага всего населенія Россіи, — за исключеніемъ реакціонныхъ его элементовъ, — онъ тѣмъ самымъ работаетъ для своего собственнаго блага.

Кому непонятно это счастливое и плодотворное сочетаніе двухъ указанныхъ интересовъ, тотъ не постигъ смысла текущаго историческаго момента.

Второе слово нашей тактики есть неустанное напоминаніе русскому рабочему классу о томъ, что надъ нашей страной все еще виситъ грозная опасность германскаго завоеванія. Для меня крайне отрадно убѣжденіе въ томъ, что и въ этомъ случаѣ мнѣ не нужно доказывать вамъ неоспоримую истинность второго слова нашей тактики. Только неисправимые утописты воображаютъ, будто указанная мною опасность можетъ быть устранена посредствомъ противопоставленія бронированному кулаку германскихъ имперіалистовъ сладкихъ соображеній о преимуществахъ мира, объ ужасахъ войны и т. под. Обладатели бронированнаго кулака только презрительно смѣются надъ подобными соображеніями. Правда, въ Германіи возникла новая соціалистическая партія, болѣе или менѣе рѣшительно осуждающая войну. Но огромныя и чрезвычайно хорошо организованныя военныя силы германской имперіи находятся, вѣдь, не въ рукахъ этой партіи, а въ рукахъ Вильгельма съ его пособниками, — вплоть до Шейдемана и компаніи. И вы прекрасно знаете, что у молодой русской свободы нѣтъ болѣе опаснаго врага, чѣмъ германскій императоръ и его многочисленные пособники. Если бы центральныя имперіи побѣдили насъ и нашихъ союзниковъ, то, не говоря уже о вѣроятности возстановленія нашего стараго порядка, онѣ [illegible] не неблагопріятныя для роста нашихъ производительныхъ силъ и тѣмъ въ соотвѣтствующей мѣрѣ замедлили бы дальнѣйшее численное и культурное развитіе нашего рабочаго класса. А это, въ свою очередь, сильно задержало бы его движеніе къ конечной цѣли, т. е. къ соціализму.

Дѣятельно участвуя въ нынѣшней войнѣ, русскій пролетаріатъ не измѣняетъ своему классовому интересу, а, напротивъ, защищаетъ его съ оружіемъ въ рукахъ.

Кто этого не понимаетъ, тому остается недоступнымъ смыслъ теперешняго историческаго момента.

Будемъ же дружно трудиться надъ выясненіемъ русскимъ рабочимъ смысла нашей тактики.

Такое выясненіе представляетъ собою теперь политическую потребность нашей страны. Разъ сознаетъ рабочій классъ правильность нашей тактики, все прочее приложится.

Примите же, дорогіе товарищи, мой горячій привѣтъ и мое искреннее пожеланіе успѣха въ вашей работѣ.

Вашъ Г. В. ПЛЕХАНОВЪ.

Такъ ли это?

«Въ Швеціи возлагаютъ большія надежды на Ленина и его сторонниковъ. Ленинъ, по словамъ стокгольмскихъ газетъ, заявлялъ въ Стокгольмѣ, что онъ увѣренъ въ поддержкѣ Чхеидзе и, не далѣе, какъ черезъ двѣ недѣли, вернется въ Стокгольмъ во главѣ мирной депутаціи (?). По словамъ Ленина, само собой, желательно, чтобы миръ былъ всеобщимъ. Но, если бы державы Согласія, въ особенности Англія, начали ставить препятствія этому, Россія не испугается и сепаратнаго мира».

Корреспонденція этого содержанія изъ Стокгольма обошла всѣ нѣмецкія газеты, отъ «Національ-Цейтунгъ» до «Форвертсъ» и всѣми привѣтствована одинаково радостно. Стокгольмская газета «Политикенъ», отъ 3-го апрѣля, сообщая объ однодневномъ пребываніи въ Стокгольмѣ Ленина, Зиновьева и др., говоритъ:

«Многіе соціалъ-демократы, въ томъ числѣ и Ленинъ, совѣщались съ представителями шведскаго соц.-демократическаго меньшинства. Обсуждался вопросъ о мирѣ, причемъ Ленинъ сдѣлалъ заявленія огромной важности. Оказывается, уже изъ Швеціи велись переговоры съ соціалистами различныхъ странъ и, въ результатѣ, германскіе лѣвые соціалъ-демократы выразили готовность прислать делегатовъ на мирную конференцію въ Стокгольмѣ, равно какъ и одна изъ крайнихъ лѣвыхъ группъ французскихъ соціалистовъ. Зато англійскіе соціалисты отказались наотрѣзъ».

«14 дней» уже прошли.

Обращаемъ вниманіе «Правды» на это сообщеніе; твердо надѣясь, что она захочетъ и будетъ имѣть возможность показать его неосновательность.

Замѣчательное явленіе.

Петроградское телеграфное агентство сообщаетъ:

«Организаціонное собраніе одесскихъ анархистовъ разныхъ теченій вынесло резолюцію о томъ, что анархисты въ настоящій политическій моментъ ставятъ своею задачею обезпеченіе установленія демократическаго строя и отказываются отъ всякихъ активныхъ выступленій противъ Временнаго Правительства до тѣхъ поръ, пока оно не посягаетъ на добытыя народомъ права.

Анархисты призываютъ къ активной поддержкѣ требованій, которыя выставятся въ Учредительномъ Собраніи трудящимися массами.

Анархисты заявляютъ, что они являются рѣшительными противниками всякой братоубійственной войны, но, такъ какъ настоящая война превратилась для Россіи въ революцію, анархисты готовы нести всѣ жертвы для защиты свободы отъ внѣшней опасности, несущей Россіи внутреннюю реакцію, одновременно стремясь къ прекращенію войны усиліями международнаго пролетаріата».

Это поистинѣ замѣчательно. Подъ вліяніемъ совершившейся у насъ революціи анархисты всѣхъ теченій весьма значительно поумнѣли, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, между тѣмъ какъ соціалъ-демократы ленинскаго толка —правда, и прежде не проявлявшіе большой мудрости въ своей политической дѣятельности, — быстро и рѣшительно пошли въ направленіи, прямо противоположномъ тому, которое избрали анархисты всѣхъ теченій.

Неужели правъ былъ поэтъ сказавшій, что у Россіи особенная стать и что невозможно измѣрить ее общимъ аршиномъ?

Г. П.

Памяти П. В. Карповича.

Бываетъ иногда такъ: кажется, надѣлила природа человѣка всѣмъ, что требуется для того, что мы зовемъ благополучіемъ— здоровьемъ, уравновѣшенностью, полнотой духовной жизни. Но—странное дѣло!—отчего-то закрадывается въ сердце тревога за этого человѣка полнаго жизни, энергіи и радости.

Такимъ я впервые узналъ Петра Карповича, когда онъ перевелся въ нашу гимназію, въ городъ Слуцкъ; такимъ онъ оставался въ моемъ представленіи все время, что я его зналъ. Всѣ гимназическіе годы это былъ юноша на рѣдкость жизнерадостный. Уже внѣшній видъ говорилъ объ этомъ. Портреты Карповича, относящіеся къ послѣднему періоду его жизни, не передаютъ его такимъ, какимъ онъ былъ въ юности. Уже въ старшихъ классахъ гимназіи онъ и ростомъ, и лицомъ напоминалъ скорѣе студента, чѣмъ гимназиста; избытокъ жизни билъ изъ каждаго движенія.

Надо было побывать въ этомъ самомъ Слуцкѣ, этой слуцкой гимназіи, чтобы понять тѣ условія, въ которыхъ формировалась личность юнца-гимназиста. Все было направлено на то, чтобы оплевать все чистое и свѣжее. Но Карповичъ, [illegible] рѣдкую въ этомъ возрастѣ самостоятельность, сумѣлъ уйти отъ насъ съ душой столь же чистой и свѣжей, съ какой онъ къ намъ пришелъ.

Безспорно, уже тогда—въ годы ранней юности—въ немъ сложилась та живая связь душевныхъ чертъ, которая потомъ такъ конкретно проявилась. Три черты характеризовали его духовный обликъ—прямота, доброта, спокойствіе. Слушая Карповича, нельзя было не вѣрить каждому его слову, ибо было ясно, что обманываться онъ могъ, но обманывать никогда. Въ обращеніи онъ былъ со всѣми простъ, переходилъ на «ты» съ перваго слова, но не потому, что былъ добрымъ малымъ въ избитомъ значеніи этого слова. Подходя къ товарищу, онъ искалъ въ немъ прежде всего хорошей стороны. Въ немъ былъ какой-то источникъ дѣятельнаго доброжелательства, противъ котораго не могъ порой устоять даже слуцкій человѣчекъ въ футлярѣ. Желая товарищу помочь, и говорилъ, и дѣлалъ онъ это, какъ старшій, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалось это само по себѣ, ибо непосредственно шло изъ сердца. Не менѣе бросалось въ глаза его спокойствіе. Онъ былъ вспыльчивъ, но вспышки проходили быстро, безслѣдно. Страстный темпераментъ проявлялся у него во многомъ. Но онъ не нервничалъ и никогда ни передъ чѣмъ не терялся.

Прямота эта въ гимназіи ему не мало вредила. Онъ не могъ скрывать своихъ чувствъ органически, и приходилось оберегать его даже отъ мелкихъ столкновеній съ гимназическимъ начальствомъ, столкновеній, которыя—въ силу этого самаго свойства—для Карповича могли лишь кончиться очень скверно.

Въ отношеніи умственныхъ интересовъ гимназистъ Карповичъ, однако, не былъ впереди. У насъ существовалъ кружокъ гимназистовъ, занимавшихся самообразованіемъ, къ которому принадлежалъ пишущій эти строки. Быть можетъ, Карповичъ примкнулъ бы къ этому кружку, если бы въ немъ читалась нелегальная литература. Но нелегальная литература не проникала въ гиблый городокъ, а «сухая наука» не оказалась общимъ языкомъ между нимъ и нашимъ кружкомъ. По всему своему облику Карповичъ былъ чуждъ теоріи. Кровь чувствъ играла у него на лицѣ...

Карповичъ былъ классомъ старше меня. Окончивъ гимназію годомъ раньше, онъ уѣхалъ въ Москву, и хотя тѣсныхъ отношеній у него не было ни со мной, ни съ другими членами кружка, но пустое мѣсто почувствовалось всѣми. Уѣхалъ добрый обаятельный Карпоша, какъ мы его называли.

Прошелъ годъ. Лѣтомъ заѣхалъ ко мнѣ товарищъ, который кончилъ одновременно съ Карповичемъ и жилъ съ нимъ въ Москвѣ въ одной комнатѣ. Московская студенческая жизнь уже наложила на него свою печать, и я ему сказалъ объ этомъ.

— Ну, обо мнѣ что,—возразилъ онъ,— посмотрѣлъ бы теперь Карповича...

Карповичъ, оказывается, уже успѣлъ «войти съ головой» въ студенческое движеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ шелъ дальше. Дѣятельности Карповича внѣ студенческаго движенія пріятель мой не описывалъ, такъ какъ, очевидно, ея еще не было. Эта часть была у него еще въ области плановъ, но планы были таковы, что «Карпошѣ неминуемо не снести головы».

Прошелъ еще годъ, и вышло какъ-то такъ, что мы столкнулись съ Карповичемъ въ г. Несвижѣ. Онъ пріѣхалъ гостить къ своей сестрѣ, женѣ—если мнѣ память не измѣняетъ — почтово-телеграфнаго чиновника. Зашли мы съ нимъ ко мнѣ. Я сразу замѣтилъ рѣшительную перемѣну въ немъ и прежде всего во внѣшности. Будучи гимназистомъ, онъ одѣвался безъ претензій на франтовство, но всегда, что называется, опрятно. На этотъ разъ все—начиная съ шапченки и кончая косовороткой—придавало ему видъ мастерового. Прежній румянецъ съ лица сошелъ, и въ глазахъ, и между глазъ залегла какая-то загадочная забота. Это уже не былъ гимназистъ, хотя и смахивавшій на студента. Это уже былъ зрѣлый человѣкъ. За эти два года, что прошли со дня его отъѣзда изъ Слуцка, онъ, видимо, не мало думалъ и пріобрѣлъ ту склонность къ самоуглубленію, которой у него прежде не было. Такъ какъ и я уже былъ студентомъ, то Петръ Владиміровичъ спросилъ, что я нашелъ хорошаго въ Петроградѣ.

Но въ то время, какъ я ему говорилъ, отвѣчая на его вопросъ, онъ, видимо, не слушалъ, а мялъ свою шапку, думая о чемъ-то своемъ, далекомъ. Затѣмъ, не дослушавъ до конца, прервалъ меня вопросомъ:

— Ну, и что же..., попрежнему глотаешь книги?

Не успѣлъ я ему отвѣтить, какъ онъ добавилъ съ усмѣшкой, какъ-то неожиданно озарившей его небритое лицо:

— Безъ книгъ, кажется, ясно...

— Что же тебѣ ясно?

Вопросъ мой былъ тѣмъ умѣстнѣе, что это былъ достаточно глухой 98-й годъ... Но онъ всталъ и подалъ мнѣ руку:

— Я тороплюсь.

Это уже не было прежнее нерасположеніе къ сухой наукѣ. Это уже былъ сознательный бойкотъ теоріи во имя насущныхъ практическихъ задачъ, которыхъ онъ мнѣ такъ-таки не назвалъ, такъ какъ на другой день мы разъѣхались въ разныя стороны. Но я глубоко убѣжденъ, что уже тогда въ Петрѣ Владиміровичѣ [illegible]